

< Николай Кузьмин
Николай Кузьмин. К 100-летию со дня рождения. Сборник статей и материалов. — Москва, 2005. С. 18.

Анализируется созданный Николаем Кузьминым для сибирских шахтеров Анжеро-Судженска проект дома-коммуны как попытка реализации большевистского антропологического эксперимента. Выявляются его главные особенности: обобществление быта, лишение жителей личного пространства, переосмысление роли архитектора в новом социалистическом строе. Подчеркивается соединение в проекте элементов утопии с подробно разработанными функциональными решениями. Показана роль Николая Кузьмина в развитии сибирского конструктивизма на фоне утраты памяти о нем в современной истории Анжеро-Судженска.

Ключевые слова: Николай Кузьмин; Анжеро-Судженск; дом-коммуна; конструктивизм; авангард; утопия. /

Пространство нового начала: сибирская утопия Николая Кузьмина /

текст
Кинга Нендза-Щикони-
овска /
text
Kinga Nędza-Sikoniowska

Среди многих домов-коммун, проектированных в СССР на рубеже 20–30 годов XX века, один заслуживает особого внимания, так как олицетворяет собой идеи большевистской перестройки быта и пространства. Характерно, что проект, о котором идет речь, появился не в Москве, а в Сибири и предназначен был не для членов партии, чекистов, чиновников или художников, а для кузбасских шахтеров. Его создал не столичный архитектор, а томский студент Николай Кузьмин (1905–1985) [1].

Жилье – орудие революции

Для первого поколения зодчих, выросших в социалистической России, архитектура уже не являлась лишь искусством или техническим умением. Кузьмин так определял ее роль: «Имея дело с определенными производственно-бытовыми процессами, порождающими общественную психологию и идеологию, архитектура должна быть наукой, тесно связанной прежде всего с общественно-политическими дисциплинами» [2, с. 14].

Уверенность в значимости социальной миссии архитектора появилась у томского студента как ответ на назревший жилищный кризис. Кузьмин был потрясен условиями жизни сибирских шахтеров, которые наблюдал во время студенческих практик, в том числе в Анжерке и Судженке (1924–1927). Он отмечал пьянство, жестокость по отношению к женщинам, побои, нецензурную речь даже маленьких детей. Решение этих проблем Кузьмин видел в создании дома-коммуны, спроектированного специально для работников шахты № 5/7 в Анжеро-Судженске¹ и их семей – всего для 5 140 человек [2, с. 14–16]. Кузьмин не только предложил яркое архитектурное решение – он спланировал, как коренным образом перестроить жизнь этого кузбасского поселка. Хотя проект не был реализован, он стал известным благодаря публицистической деятельности молодого автора и бурным дискуссиям, которые спровоцировал.

Кузьмин считал, что для решения социальных и нравственных проблем недостаточно только улучшить условия жизни. В статье «О рабочем жилищном строительстве» [4] он остро критикует советскую жилищную программу, сфокусированную лишь на повышении показателей жилищной площади. Такой подход можно было объяснить в первые

послевоенные и послереволюционные годы, оставившие страну в плачевном состоянии. Но через десять лет надо было срочно приступить к строительству настоящего социалистического жилья, не только обеспечивающего людей кровлей, но и формирующего новый быт. Эгоизм, жадность, домашнее насилие и пьянство, рабство женщины и эксплуатация другого человека – все эти черты буржуазного образа жизни остались, несмотря на смену политического строя. Только коллективизм быта мог воспитать в человеке солидарность к другим и уважение к себе, считал архитектор.

Пространство радикализма

Проект Кузьмина предполагает максимальную коллективизацию жизни рабочих и ее унификацию. Будущие жители его дома-коммуны делятся на группы по возрасту и состоянию здоровья, но всегда обедают (принимают пищу?) вместе. Заработанные деньги общие; у человека нет его собственной, личной одежды: сдавая очередной комплект в прачечную, он получает взамен точно такой же, как у всех других. Функциональность проекта должен обеспечивать разработанный архитектором четкий график действий будущих жильцов: от ежедневных, с точностью до минуты рассчитанных часов утреннего подъема, гимнастики, завтрака и т. д., до расписанной по периодам всей жизни (от рождения, через ясли, школу, работу и старость) [2, с. 14–16]. Проект предполагал отрицание традиционного института семьи: когда Кузьмин пишет про пары, он последовательно использует термин «бывшие муж и жена»; дети в его проекте спят отдельно от родителей.

При дословном прочтении проект являлся бы символом тоталитарных устремлений большевистской страны. Однако радикализм анжеро-судженского проекта заключался не только в полном обобществлении быта или в попытках управлять поведением людей, не только в отрицании традиционного института семьи. Подобные решения мы находим и в других проектах советского авангарда, например, у М. Барща и В. Владимировой [5, с. 358–360]. Но только Кузьмин бескомпромиссно лишает жильцов личного пространства. Все помещения разделены лишь функционально и никогда – по принципу соб-

1. Анжеро-Судженск образовался в 1928 году из соединения двух шахтерских поселков – Анжерки и Судженки, с конца XIX века обеспечивающих углем Транссибирскую магистраль. Город с 1931 года [3].

The communal house designed for Siberian miners of Anzhero-Sudzhensk by Nikolai Kuzmin is viewed as a proposal related to realization of the Bolshevik anthropological experiment that contemplated socialization of households, reinterpretation of the role of architects in the new Social system and deprivation of inhabitants of private space. The project combined utopian proposals with elaborate functional solutions. The article observes the role of Nikolai Kuzmin in the history of the Soviet Constructivism in the absence of memory of him in today's history of Anzhero-Sudzhensk.

Keywords: Nikolai Kuzmin; Anzhero-Sudzhensk; communal house; Constructivism; avant-garde; Utopia.

A Space of New Beginning: Nikolai Kuzmin's Siberian Utopia

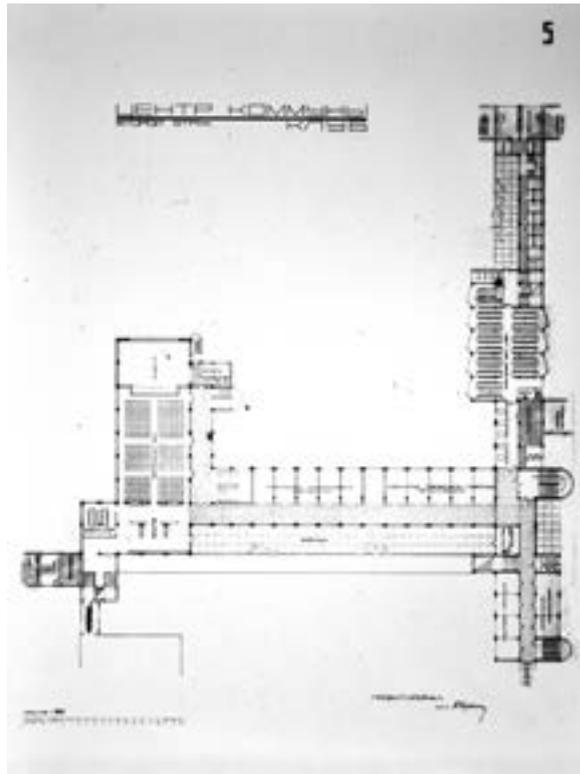
ственности. «В доме-коммуне рабочие спят в спальнях, а живут в культурном центре, – объясняет автор. – Спальни предназначаются только для сна» [2, с. 16]. Если хочешь почитать – иди в читальный зал. Отдельные комнаты предназначены для совершения полового акта («двуспальные кабины») [6]. В разных помещениях спят дети, взрослые или старики, отдельно холостые и пары, а также беременные женщины. Даже кровать, по существу, не принадлежит человеку, так как он меняет ее с возрастом и статусом.

Кузьмин позволял себе острую критику советских архитекторов – всех тех, кто проектировал якобы дома-коммуны, но сохранял в них принцип собственной, отдельной комнаты для человека или семьи. По его мнению, нельзя назвать домом-коммуной здание лишь потому, что в нем есть общая столовая и общий туалет в коридоре. Это насмешка над социалистической идеей обобществления быта. А ведь по такому принципу реализованы самые известные проекты, например, дом-коммуна в бывшем Хавско-Шаболовском переулке (ныне ул. Лестева) в Москве (1928–1929). В нем даже «коммунальная часть» (общезитие) состояла из индивидуальных жилых ячеек². Да и сами авторы многих домов-коммун признавали, что их предложения – это лишь «переходный тип» жилья³.

Интересно сравнить принципы Кузьмина с фактически реализовавшейся в СССР коллективизацией быта – коммунальными квартирами. Реальность оказалась идеалом наизусть: пространство комнаты использовалось как многофункциональное, его приватный характер упорно защищался жильцами. «В коммунальных квартирах не было гостиных и спален, а были комнаты, приспособленные на все случаи жизни» – напоминает Светлана Бойм [9, с. 162].

Все-таки утопия

В архитектурном и организационном отношении проект Кузьмина вполне реалистичен: подробно разработанный, с обоснованными смелыми решениями (механический гардероб на 3 000 человек), технически он мог быть осуществлен. Более того, Кузьмин приводил подробные расчеты строительства дома-коммуны, доказывая, что обойдется он не дороже обычных заводских поселков.

Утопией, однако, являлась вписанная в проект программа перестройки быта, то есть социальный и антропологический эксперимент. Знатки вполне закономерно обращают на это внимание [10, с. 56]. Именно в соединении дерзкой утопии с осязаемой вероятностью ее исполнения мы находим и причину возмущения современников, и волнение, которое до сегодняшнего дня проект вызывает у исследователей советского авангарда. Тем более, что и сам Кузьмин не считал свое предложение ни архитектурной, ни социальной утопией: если подойти к нему разумно, всем вместе; если не будет растерянности на местах, боязни и робости, а большую часть упорного, ту-

< Н. Кузьмин, Второй этаж. Центр коммуны – клуб Н. Кузьмин, Дипломный проект «Дом-коммуна для Анжеро-Судженских горняков», руководитель К. Лыгин, Томск 1928-1929, копия документа в архиве Музея истории архитектуры Сибири им. С. Н. Баландина, № 2201. Л. 6.

2. Авторы проекта – Г. Вольфензон, С. Леонтович, А. Барулин [5, с. 324–326].

3. Речь шла о зданиях, «стимулирующих переход на более высокую форму социального-бытового уклада, но не декретирующих этот переход» [7, с. 68]. Известными площадями этого подхода были дом Наркомфина в Москве (М. Гинзбург, И. Милинис, С. Прохоров, 1928–1930), за Уралом – свердловский дом Уралоблсовета (М. Гинзбург, А. Пастернак, С. Прохоров, 1930–1933) [5, с. 360–367; 8].

^ Н. Кузьмин, «двухспальные кабины»
 Н. Кузьмин, Дипломный проект «Дом-коммуна для Анжеро-Судженских горняков», руководитель К. Лыгин, Томск 1928-1929, копия документа в архиве Музея истории архитектуры Сибири им. С. Н. Баландина, № 2201. Л. 6.

> Н. Кузьмин, «График жизни»
 Н. Кузьмин, Дипломный проект «Дом-коммуна для Анжеро-Судженских горняков», руководитель К. Лыгин, Томск 1928-1929, копия документа в архиве Музея истории архитектуры Сибири им. С. Н. Баландина, № 2201. Л. 3.

ного отрицательного отношения к новому строительству, к созданию нового быта, разумно выдвигаемому новыми условиями и потребностями жизни, то эта задача будет разрешена блестяще [4, с. 83].

Проект Кузьмина так и не был реализован: скоро власть окончательно отвергает идею полного обобществления быта. Начинаются прямые нападки на архитектора, иногда со стороны его недавних коллег и покровителей из ОСА. Но репрессированным Кузьмин не был: он прожил почти до 80 лет и до конца жизни не считал свой проект утопическим. В одном из писем дочь архитектора пишет: «...отец свои работы утопиями не считал. Просто сейчас "не время" (как он говорил) для реализации этих идей. Он был идеалист, который жил в своем мире и мире работы со студентами. Ни он к власти, ни власть к нему (особенно местная) не имели никакого отношения» [11].

Провал анжеро-судженского проекта не был делом случая; он закономерно вырос из самого корня философии архитектора – идеализированной картины советского строя. В статьях томского студента находим телеологическое убеждение в диалектическом развитии общества, в классовом детерминизме и в правильности интерпретации коммунистической партией истории и будущего. Он построил свой проект, исходя именно из этих моделей – идеального человека, идеальной пролетарской партии и развивающейся в определенном направлении действительности. Но как партия, так и действительность оказались далеко не столь идеальными, не вписались в его замысел. Будущий житель дома-коммуны тоже в эту схему не уложился бы.

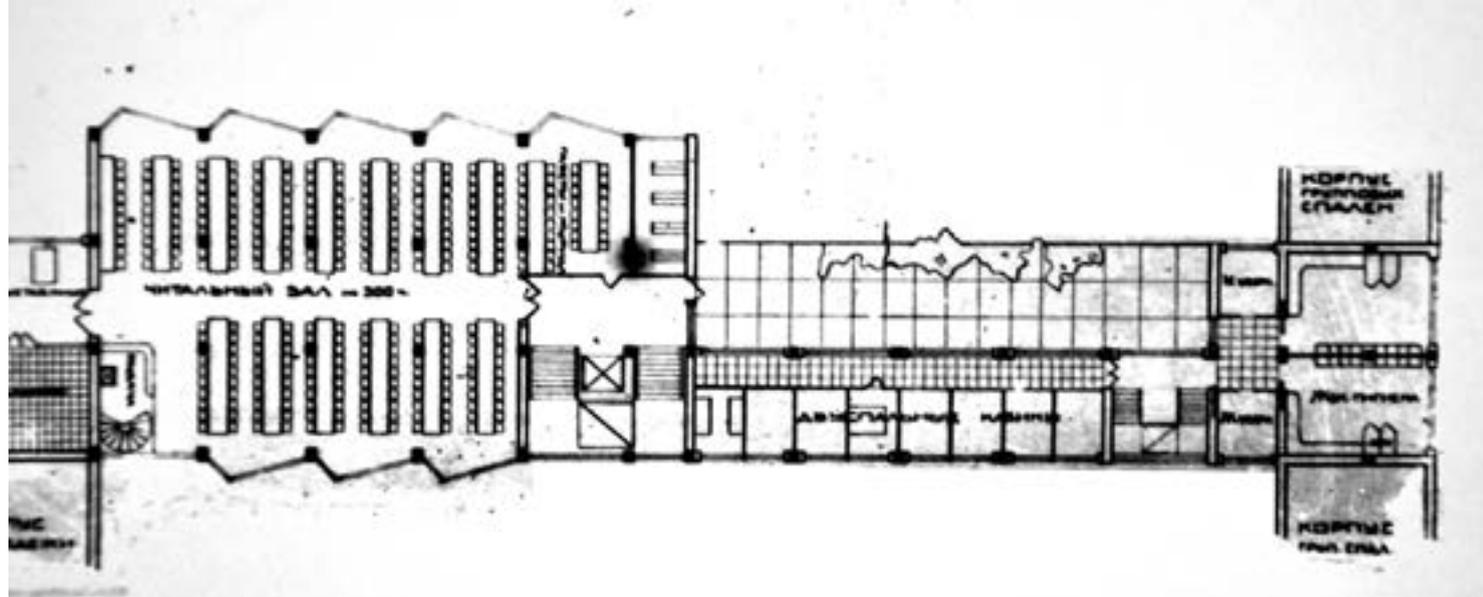
Анжеро-Судженск: 88 лет спустя

Несмотря на то, что именно благодаря проекту Кузьмина имя Анжеро-Судженска приобрело известность, сегодня город не обращается к его наследию как части своей истории. Нет упоминания о нем даже в местном краеведческом музее или немногих популярных изданиях про город [3, 12]. Этот факт нельзя объяснить лишь тем, что проект осуществлен не был: подобные идеи не меньше, чем существующие объекты, имеют культурный, социальный и туристический потенциал. Почему тогда идеи Кузьмина не стали действенным фактором конструирования анжеро-судженской городской идентичности?

В своей дипломной работе томский студент хотел решить задачу целостной перестройки быта анжеро-судженских горнорабочих. Он спроектировал ансамбль, который являлся, по сути, отдельным квазигородом, самостоятельно обеспечивающим не только жилищные, но также культурные, образовательные, санитарные и т. д. нужды местного населения. Проект являлся воплощением идеи дома-коммуны, но также и ответом на нехватку культурно-социальной инфраструктуры в существующих обоих поселках (потом они стали одним городом). Но в градостроительном плане дом-коммуна никак с ними связан не был. С местным социальным ландшафтом его связывал только выход со стороны шахты. Жильцам дома-коммуны нечего было искать в Анжеро-Судженске, а шахтеры города, если бы они не переселились в кузьминскую утопию, вряд ли смогли бы пользоваться прелестью его спортзалов, планетария или столовых, так как все здесь было рассчитано до одного человека, одного рубля и одной минуты.

Любой проект дома-коммуны должен был составлять отдельное автономное целое, но есть довольно много проектов того периода, вписанных в городское пространство. Примером может быть планировка Кузнецка братьями Александром и Леонидом Весниными с 1930 года [13]. Коммуны Весниных – это не изолированные элементы, а неотделимая часть соцгорода, его базовая структура. Кузьмин не учитывал окружения, он планировал автаркическую единицу. Кузьминский проект больше напоминает современные «закрытые районы», отгороженные от мира заборами, вахтерами и пропусками. Как заметил Селим Хан-Магомедов, проект Кузьмина «создавался как самостоятельный поселок, как некая сжатая до предела модель города» [5, с. 133].

Кузьмин не предложил проект целостного развития Анжеро-Судженска: он хотел создать рядом с уже существующим свой город, город-конкурента. Его проект не вырастал из истории и структуры места и не хотел влиять на нее. Он должен был стать отречением от прошлого, новым началом, городом, построенным на пустом месте. Возможно, в этом и кроется одна из причин, по которой новаторским идеям Кузьмина нет места в памяти города Анжеро-Судженска.

Литература

1. Баландин С. «Небезызвестный» и «хрестоматийный на десятилетия пример вопиющего искажения идеи» в дипломном проекте // Николай Кузьмин. К 100-летию со дня рождения : сб. статей и материалов. – М., 2005. – С. 41–111.
2. Кузьмин Н. Проблема научной организации быта // Современная архитектура. – 1930. – № 3. – С. 14–16.
3. Поздняков Г. История города Анжеро-Судженска. – Анжеро-Судженск, 2003.
4. Кузьмин В. [Н]. О рабочем жилищном строительстве // Современная архитектура. – 1928. – № 3. С. 82–83.
5. Хан-Магомедов С. Архитектура советского авангарда : в 2 кн. Кн. 2: Социальные проблемы. – М. : Стройиздат, 2001.
6. Кузьмин Н. Второй этаж. Центр коммуны – клуб : дипломный проект «Дом-коммуна для Анжеро-Судженских горняков», руководитель К. Лыгин, Томск, 1928–1929 : копия документа в архиве Музея истории архитектуры Сибири им. С. Н. Баландина, № 2201. Л. 6.
7. Гинзбург М. Жилище. – М. : Госстройиздат, 1934.
8. Жилой комплекс «Дом Уралоблсовета» / ред. Л. Токменинова. – Екатеринбург : Татлин, 2015.
9. Бойм С. Общие места: мифология повседневной жизни. – М. : НЛО, 2002.
10. Невзгодин И. Музыка будущего : дипломный проект дома-коммуны Н. С. Кузьмина // Проект Сибирь. – 2005. – № 23. – С. 52–56.
11. Переписка с дочерью архитектора Ксенией Николаевной Кузьминой от 18.04.2016.
12. Чуйкова А., Славнова Г. Выставка «Ажеро-Судженск в летописи Кузбасса». Анжеро-Судженский городской краеведческий музей.
13. Веснин А., Веснин Л. Проект планировки города Кузнецка // Современная архитектура. – 1930 – № 3. – С. 7–9.

References

Balandin, S. (2005). "Nebezyzvestnyi" i "khrestomatiinyi na desyatiletia primer vopiyushchego iskazheniya idei" v diplomnom proekte [A "Well-known example set for centuries ahead of how ideas were blatantly misrepresented" in a graduation project]. In Nikolai Kuzmin. K 100-letiyu so dnya rozhdeniya. Sbornik statei i materialov (pp. 41-111). Moscow.

Boym, S. (2002). *Obshchie mesta: Mifologiya povsednevnoi zhizni* [Common places: Mythologies of everyday life]. Moscow: NLO.

Chuikova, A. & Slavnova, G. (n.d.). *Anzhero-Sudzhensk v letopisi Kuzbassa* [Anzhero-Sudzhensk in the chronicle of Kuzbass] [Exhibition]. Anzhero-Sudzhensk city museum of local lore.

Correspondence with the daughter of the architect Ksenia Nikolaevna Kuzmina (2016, April 4).

Ginzburg, M. (1934). *Zhilishche* [Dwelling]. Moscow: Gosstroizdat.

Khan-Magomedov, S. (2001). *Arkhitektura sovetskogo avangarda: v 2 kn: Kn. 2: Sotsyalnye problemy* [Architecture of the Soviet avant-garde: in 2 books. Book 2: Social problems]. Moscow: Stroizdat.

Kuzmin, V. [recte: N.]. (1928). *O rabochem zhilishchnom stroitelstve* [On the workers' housing development]. *Sovremennaya arkhitektura*, 3, 82-83.

Kuzmin, N. (1928-1929). *Vtoroi etazh. Tsentr kommuny-klub* [The second floor. The club as the center of the commune]. The communal house for miners in Anzhero-Sudzhensk (Graduation project, K. Lygin, Supervisor). Tomsk. The copy retrieved from the archive of S. N. Balandin Museum of History of Architecture of Siberia, No 2201, fol. 6.

Kuzmin, N. (1930). *Problema nauchnoi organizatsii byta* [The problem of the scientific organization of households]. *Sovremennaya arkhitektura*, 3, 14-16.

Nevezgodin, I. (2005). *Muzyka budushchego – diplomnyi proekt doma-kommuny N. S. Kuzmina* [Music of the future: the graduation project for the communal house by N. S. Kuzmin]. *Project Sibir*, 23, 52-56.

Pozdnyakov, G. (2003). *Istoriya goroda Anzhero-Sudzhenska* [The history of the city of Anzhero-Sudzhensk]. Anzhero-Sudzhensk.

Tokmeninova, L. (Ed.). (2015). *Zhiloi kompleks "Dom Uralobsovet"* [Residential complex "Uralobsovet House"]. Yekaterinburg: Tatlin.

Vesnin, A. & Vesnin, L. (1930). *Proekt planirovki goroda Kuznetska* [Planning design of the city of Kuznetsk]. *Sovremennaya arkhitektura*, 3, 7-9.